

Игорь Гужва, Роман Манекин

Еще одна Россия

Традиционно историческая перспектива Украины как независимого государства рассматривается в качестве дилеммы геополитических приоритетов: что ожидает Украину в будущем – реинтеграция с Россией или «европеизация» (тотальное подчинение «условиям игры», диктуемым атлантическим союзом)? При этом принято считать, что стратегическим курсом Украины является ориентация на ценности западной демократии (что «объективно» подтверждается декларациями о намерениях вступления Украины в Европейский Союз и НАТО).

Однако более внимательный анализ *реального* смысла внешней и внутренней политики Киева с момента обретения государственной независимости и до сих пор свидетельствует о поверхностности «дедуктивного» подхода к проблематике исторического выбора Украины. На самом деле, украинская политическая и экономическая элиты никогда не ставили перед собой в качестве основополагающей задачу по адаптации к возникшим после распада СССР реалиям мирового порядка (к добровольному подчинению тому или иному геополитическому центру силы). Напротив: определяющим мотивом поведения украинского истеблишмента было и остается стремление минимизировать влияние внешних факторов на развитие ситуации в стране. Политическим идеалом украинской элиты объективно является идеология самоуправления и самодостаточности. И в этом смысле Киев скорее копирует эволюционные процессы, происходившие в последнее десятилетие в общественном сознании российской политической элиты, нежели социальные и политические установки элитных групп стран Восточной Европы и Балтии.

Иными словами, по прошествии 11 лет со дня провозглашения государственной независимости Украина стоит отнюдь не перед альтернативой «Восток-Запад», но перед проблемой несоответствия между автономистскими мировоззренческими интенциями украинской элиты (установкой на самодостаточность *a la* российские «верхние десять тысяч») и объективной скудостью ресурсной (включая интеллектуальный и производственный потенциал) базы страны.

Русский проект

Генезис украинской политической и экономической элиты обусловлен обстоятельствами развала Советского Союза, когда вчерашние провинциальные элитные группы в одночасье обрели статус общенациональных. Действительно, украинская политическая и экономическая элиты по происхождению провинциальны. Причем долгое время считалось, что в течение последних десяти лет их качественные характеристики (провинциализм, тяготение к «начальственной руке») остались неизменными и что при первом подходящем случае они будут вовлечены (устремятся) в орбиту внешнеполитических интересов России, либо, подобно своим западным соседям, примкнут к «евроатлантическому» лагерю (с перспективой вхождения в Европейский Союз).

Приходится признать, что в свое время официальный Киев приложил немало усилий для поддержания живучести этой теории. На международной арене Украина попеременно то позиционировала себя как государство, уже сделавшее окончательный «евроатлантический выбор», то расписывалась в братских чувствах к России. Одновременно посланцы «нового независимого государства» неизменно демонстрировали на многочисленных саммитах неизменные серость, провинциализм и несостоятельность.

Между тем на самом деле – в то время, когда украинские дипломаты неустанно обращались за материальной поддержкой в МВФ, Евросоюз и Кремль, – внутри самой Украины кипела напряженная работа по перераспределению собственности, по централизации власти, по укреплению спецслужб.

Закончилось все неожиданным образом. Причем в конечном итоге государственное устройство Украины оказалось почти полностью скалькировано с российского: на Украине была создана жесткая вертикаль власти, прочно контролируро-

вавшая ситуацию в стране, появился класс крупных собственников, перераспределивших в свою пользу основные активы государства; так же, как и в России, на Украине сформировались политические и финансовые группы, распоряжающиеся «пакетами влияния» на власть – сообщества, отнюдь не желающие делиться своими «приобретениями» ни с Москвой, ни с Западом. Как следствие, по Украине прокатилась волна показательных расправ над «космополитами»: от отставки «прозападного» политика Виктора Ющенко до публичной «порки» спикера крымского парламента Леонида Грача, позиционировавшего себя политиком, «напрямую решающим вопросы» с Москвой. Эти, равно как и другие, коллизии сегодня порождают искреннее недоумение сторонних наблюдателей, поскольку никак не вписываются в концепцию «выбора Украины» между Европой и Россией.

Очевиден также и разительный контраст между внешнеполитическими декларациями Киева и его внутренней политикой. Внешнеполитическая активность правительства Кучмы по-прежнему лишена субъектности (государственная власть на Украине декларирует стремление к слиянию с крупными наднациональными образованиями). В то же время ее внутренняя политика жестко авторитарна (т. е. ангажирована идеалом субъектности). Впрочем, подробнее об этом противоречии – чуть ниже.

Пока же отметим, что идеология «опоры на собственные силы» постепенно становится мейн-стримом интеллектуальной жизни Украины, медленно, но неуклонно вытесняя из общественного сознания провинциальное преклонение перед внешними образцами (аналог процесса, происходившего в России в конце 90-х годов).

Бремя выбора

Почему на Украине случилось все так, как случилось, теперь уже не суть важно.

Надо полагать, что сказались генетическая близость русской и украинской политических элит. Общеизвестно, что современные украинские «хозяева жизни» – в большей своей части выходцы из русскоязычной среды крупных городов и промышленных центров Востока страны – мыслят тоже по-русски («Мы не против, чтоб к нам шли иностранные компании. Но мы хотим, чтоб они шли сюда на наших

условиях», – говорила в бытность свою олигархом нынешний оппозиционер Юлия Тимошенко, уроженка Днепропетровска – родины советских вождей эпохи застоя). В сознании нынешней украинской элиты (и, кстати сказать, значительной части русскоязычного населения Украины) события 1991 года отнюдь не квалифицируются как «отделение Украины от России». Их рассматривают как развал, раскол СССР и образование на его месте нескольких мелких «россий», одна из которых получила название «Российская Федерация», а другая – «Украина». Разумеется, московским олигархам повезло больше: при развале страны им достались огромные природные богатства, киевским – богатства чуть меньшие. Но сути дела это не меняет!

«Однако же, – думают на Украине, – если даже Россия не в состоянии противостоять давлению внешних сил и ей придется поступаться независимостью при реализации внутренней политики, что уж говорить об Украине!»

Между тем и Россия, и Украина сегодня, в сущности, решают одну и ту же внешнеполитическую задачу: они ищут свое место в новом мировом порядке, стремятся к интеграции в мировое сообщество. Причем – так им хочется! – в успешную его часть. Кроме того, правящие элиты обеих стран вынуждены решать довольно болезненную проблему легитимизации собственности, приобретенной в период «большого хапка» начала 90-х.

В указанном контексте дилемма «Восток-Запад» оказывается для Украины совершенно ложной, поскольку как Россия, так и Украина видят своей целью интеграцию в мировое сообщество (то есть «дранг нах Вестерн»), которая, с одной стороны, должна стать гарантией национальной безопасности, а с другой – «условием возможности» качественного скачка в экономике.

Иной вопрос – как именно (в каком качестве) Украина намерена интегрироваться в НМП. И здесь действительно имеют место быть различные варианты.

Альтернативы

Официально провозглашенным путем интеграции Украины в мировое сообщество является вступление страны в Европейский Союз. Однако в реальности процесс евроинтегра-

ции вступает в катастрофическое противоречие с интересами киевского правящего страта.

Очевидно, что предстоящее вступление государств Восточной Европы в ЕС на самом деле является завершающим этапом длительного процесса ассимиляции национальных государственных аппаратов (структур) надгосударственными общеевропейскими. При этом ни для кого не является секретом, что командные высоты в экономике бывших сателлитов Советского Союза давно занимают транснациональные компании, что их политика (в том числе и внутренняя) в существенной своей части согласовывается в Еврокомиссии, что национальное законодательство стран Восточной Европы приводится в соответствие с европейскими нормами. В итоге к настоящему моменту сложилась такая ситуация, при которой странам-кандидатам в ЕС фактически уже определено (или почти определено) конкретное место в европейской политике и экономике и они, таким образом, готовы к интеграции в ЕС. (К слову сказать, политические элиты некоторых из восточноевропейских стран сумели извлечь известную пользу из указанного процесса. Например, Польша сегодня реально претендует на доминирующее положение в восточноевропейском регионе и в этой связи ведет весьма жесткий диалог с евробюрократами, отстаивая свои интересы при вступлении в ЕС.)

Что же касается Украины, то ее политическая элита изначально избрала иную альтернативу, избежав из политического сознания необходимость делегирования ЕС части прав по контролю над общественной жизнью внутри государства. Исходя из сказанного, трудно предположить, что ради удовлетворения амбиций Киева Евросоюз пойдет на реформирование своих правил (об этом, кстати, европейцы уже неоднократно весьма транспарентно намекали украинцам). Поэтому если Украина всерьез, а не на словах, приступит к подготовке к реальному вступлению в ЕС, то начинать ей, очевидно, придется с крупномасштабной «зачистки» большинства украинских финансово-промышленных групп, чья деятельность по определению не «вписывается» в рамки, установленные для государств-членов ЕС. Кроме того, Украина окажется перед необходимостью отстранить национальный капитал от передела последних, наиболее лакомых кусков собственности (энергетики и земельного фонда). Наконец, к власти на Украине должны будут

прийти люди, готовые без лишних эмоций выполнять рекомендации европейских (или, быть может, польских) бюрократов. При этом далеко не факт, что даже в случае выполнения всех этих – объективно невыполнимых – условий Украина окажется, как говорится, «конгруэнтна» внутренней архитектуре ЕС. Впрочем, и в Страсбурге, надо полагать, пока еще не до конца понимают, в каком качестве Украина будет существовать в интегрированной Европе и куда, в частности, девать миллионы безработных украинцев, которые в этой интеграции не найдут себе места на общеевропейском рынке труда.

Думается, что мнение большинства стран ЕС по украинскому вопросу в Еврокомиссии выразил на недавнем экономическом форуме в Зальцбурге комиссар ЕС по вопросам расширения Гюнтер Ферхойген. Он сказал: «Сейчас невозможно представить, как будет выглядеть Европейский Союз после первой фазы расширения, и невозможно также представить, как ЕС будет себя вести в вопросе потенциального присоединения Украины. Члены ЕС не готовы к присоединению Турции, еще менее они готовы рассматривать перспективы членства такого государства, как Украина». И это утверждение соответствует реальному порядку вещей.

Для создания предпосылок интеграции в Европейский Союз Украине потребуется полностью поменять модель развития страны (с «русской» на «восточноевропейскую»), а также «ротировать» состав правящего страта. (И, кстати сказать, развитие ситуации по этому сценарию вполне реально; во всяком случае, некоторые весьма влиятельные политические силы на Украине – разумеется, при поддержке извне – готовы активно работать в указанном направлении.)

Однако понятно, что нынешнюю украинскую элиту подобная схема интеграции в мировое сообщество далеко не устраивает. Это факт. В этом смысле весьма примечательным выглядит заявление Леонида Кучмы, сделанное им во время посещения Сургута в феврале 2002 года. В ходе указанного визита Кучма заявил: «Мы не должны идти путем наших соседей, например, Польши и других стран бывшего соцлагеря. Если мы пойдем таким путем, наши страны станут простыми участниками распределения мирового труда, станут сырьевым придатком и никогда не будут развитыми экономическими странами».

В то же время, если указанный путь Киев не устраивает, ему придется либо изыскивать способы заставить Евросоюз считаться со своими интересами, либо найти иную дорогу интеграции «в Запад», памятуя, что альянс с ЕС – далеко не самая прямая дорога в МНП. Первый вариант более чем проблематичен. А в привлекательности второго Киеву пока не хватает решимости признаться.

В итоге, скорее всего (если, конечно, к власти не придут носители «восточноевропейской модели»), украинская политическая элита еще долго будет балансировать между основными геополитическими игроками региона. Указанная политическая позиция теоретически может оказаться небезэффективна. Но только при одном условии: если Украина не столкнется с внешней или внутренней угрозой, с которой не сможет справиться самостоятельно.

В объятия России?

Надо сказать, что на самом деле существование упомянутой угрозы сегодня вполне актуально. И спровоцировала ее недавно заявившая о себе во весь голос – весьма разнородная по составу – оппозиция президенту Кучме. Собственно, сами по себе акции внутренней оппозиции на Украине для правящего класса не очень опасны. Эти акции малочисленны и проходят, в основном, в Киеве и в западных регионах страны. Митинговая активность малопродуктивна еще и потому, что киевская власть жестко контролирует основные украинские СМИ, а карательные органы сохраняют преданность режиму. В этой ситуации главную угрозу для Кучмы представляют не внутренняя оппозиция, а давление на него Запада (по вопросу о поставках украинских радаров «Кольчуга» в Ирак и проч.), которое на Украине расценивается как прямая поддержка действий оппозиции и лично Виктора Ющенко.

Отсюда – реальная угроза международной изоляции толкает сохраняющую лояльность Кучме часть украинской элиты на пересмотр внешнеполитической стратегии.

Возникает вопрос: если Украина не обладает достаточными ресурсами для защиты от давления с Запада, вправе ли она рассчитывать на поддержку со стороны другого близкого ей центра силы – России?

Здесь следует отметить, что отношения России и Украины в постсоветский период были весьма противоречивыми. С

одной стороны, в Москве из общественного сознания правящей элиты до конца еще не избыт так называемый «имперский комплекс», который не позволяет рассматривать факт независимости Украины как непреложную, свершившуюся данность. С другой стороны – у представителей российской политической элиты «своих забот полон рот»: с 1991 года они заняты сначала дележом, а затем обустройством собственного государства, причем процесс этот не закончен до сих пор. Война в Чечне, противостояние различных околосмоленских кланов, а также перманентные конфликты Центра и регионов – такова политическая реальность, на фоне которой ставятся и обсуждаются в России вопросы реинтеграции постсоветского пространства. Вот почему приоритетным направлением политической активности РФ в отношении стран СНГ, включая Украину, сегодня признается организация различных бутафорских проектов – таких, как Союз России и Белоруссии или Евразийский экономический союз – конструкций, *a priori* нежизнеспособных, но потенциально привлекательных для российских избирателей.

Кстати сказать, в связи с этим представляется отнюдь не бесспорной концепция Збигнева Бжезинского, в соответствии с которой Россия без Украины никогда не возродится в качестве мировой сверхдержавы. На самом деле современная Россия сегодня не является империей вовсе не потому, что в ее состав не входит территория и население Украины, а потому только, что она дурно управляется. Соответственно: если Россия сумеет построить эффективную государственную систему и справиться со своими внутренними проблемами, то ее имперское существо скоро возродится и в нынешних границах.

В силу сказанного, украинская политическая элита по-настоящему России никогда не опасалась (чем, кстати, и объясняется ее отказ от участия квазиинтеграционных PR-проектах). Равным образом, украинцы никогда, по существу, не возражали против прихода на Украину российского бизнеса. И поэтому, в отличие от западных корпораций, российские компании проникали на украинские рынки не посредством лоббистской деятельности собственного правительства, а исключительно благодаря поддержке местных групп влияния и на обязательных условиях «дележа» полученной прибыли. Сегодня российские бизнес-группы, работающие на украинских рынках, находятся на Украине в жесткой информацион-

но-политической зависимости от местных олигархов, и потому они для них не опасны.

Однако надо полагать, что в условиях осеннего (образца 2002 года) политического кризиса окружение Кучмы пойдет на более тесный контакт с Россией, ибо путинская Россия представляется Киеву в достаточной степени слабой, чтобы поглотить Украину, и одновременно в меру сильной, чтобы несколько обезопасить киевский режим от внешнего давления.

Известно также, что для того, чтобы в сегодняшней сложной ситуации опереться на поддержку Москвы, Кучма готов выполнить ряд ее требований. В частности, вступить в ЕвразЭС и передать РФ контроль над украинской газотранспортной системой. При этом Кучма исходит из понимания того факта, что ни первое, ни второе не способны серьезным образом ущемить украинский суверенитет.

Дело в том, что, как уже писалось выше, ЕвразЭС представляет собой условно-работоспособную организацию, в рамках которой до сих пор не принято ни одного принципиально важного решения по интеграции экономических систем стран-участниц (и даже система свободной торговли еще не работает). Поэтому вступление Украины в собственно «иллюзорную» надгосударственную структуру никаких практических последствий для Украины – так думает Кучма – иметь не будет.

Более существенной угрозой для суверенитета Украины является утрата контроля Киевом над газотранспортной системой страны. Однако объективно и эта ситуация в реальности вряд ли способна привести к усилению влияния России на украинскую политику. У российской газовой компании «Газпром» нет средств на поддержание ГТС в работоспособном состоянии, поэтому она будет вынуждена обратиться за помощью к транснациональным энергетическим корпорациям, что в итоге приведет к паритетному контролю над украинской газовой трубой со стороны Киева, «Газпрома» и западных компаний.

Однако, с другой стороны, тактика защиты Украины от Запада при помощи России, безусловно, предполагает установление тесных политических контактов украинской и российской элит, что обусловит известную координацию их внешнеполитических стратегий (точнее, может обусловить следование Украины в русле внешней политики России). Вполне вероятно эскалация проникновения российского капи-

тала на внутренние рынки Украины и – в меньшей степени – украинского капитала в Россию. Возможно также создание различных межгосударственных консорциумов и бизнес-конгломератов. Все это тем более реально, что Украина и Россия, украинский и российский бизнес, как указывалось выше, на мировой арене решают аналогичные задачи. И ничего в этом особенно ужасающего нет, ибо, в отличие от восточноевропейских государств, которым уже определено место в европейском и мировом разделении труда, Украину и РФ, как сказал президент Владимир Путин, «в мире никто не ждет, и за место под экономическом солнцем нам приходится бороться самим».

Со временем, когда отдельные «случаи» «стихийной интеграции» станут массовым явлением, быть может, придет пора реально говорить о едином экономическом и политическом пространстве двух стран (при условии, конечно, что украинская элита также получит доступ к рычагам управления этим пространством). (Кстати сказать, такие примеры в истории известны. Так, через 100 лет после того как противостоящий внешней угрозе Богдан Хмельницкий обратился за помощью к Москве, остатки казацкой вольницы были ликвидированы царским режимом. И тогдашняя украинская «элита» этого почти не заметила, поскольку к тому времени большинство ее представителей уже были «интегрированы» в российский имперский «истеблишмент» и стали крупнейшими землевладельцами и влиятельнейшими царедворцами, так что о потере своей «автономии» сожалеть им не пришлось!)

Таким образом, сегодня давление Запада на Кучму будет усиливаться, и если, несмотря на это давление и при поддержке России, Кучма выстоит, то развитие событий по описанному сценарию представляется весьма и весьма вероятным.